

«Оскар» на носу

— Что вы почувствовали, когда узнали, что Кругок нью-йоркских кинокритиков наградили вас своей премией?

— Я был ошеломлен. Мне казалось, что я ослышался. Это очень мило с их стороны. Но в моей жизни мало что изменилось. У меня те же проблемы и заботы, и я по-прежнему не вижу путей их решения. Но все равно это было очень мило.

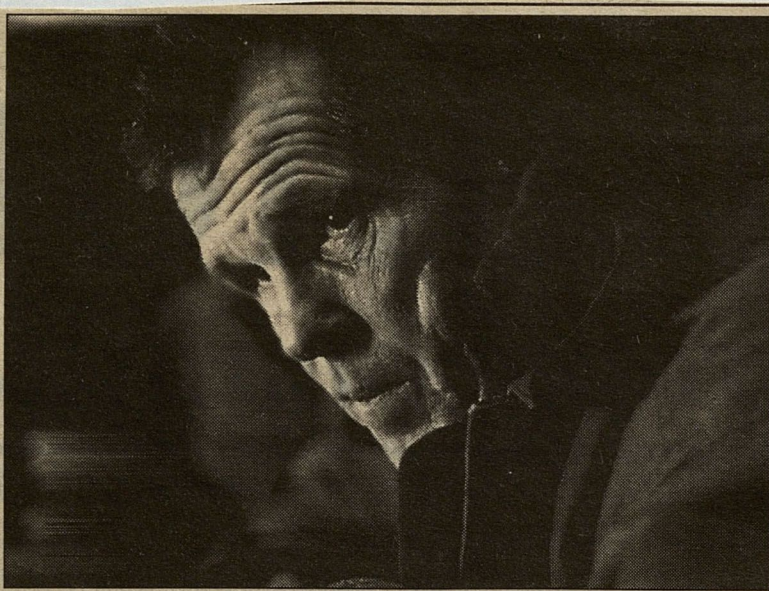
— «Скорбь» — фильм, который вы сделали три года назад, а в прокате он появился только сейчас. Ваше сегодняшнее положение чем-то напоминает историю с «Оскаром» Джессики Лэнг за «Голубое небо». Из-за банкротства Orion этот фильм появился в прокате четыре года спустя...

— Да-да, верно. Я общался с Джессикой, когда ее фильм лежал на полке, мы вместе снимались в «Мысе страха», и она рассказывала различные версии того, что может произойти с «Голубым небом».

— Что заставило вас взяться за роль шерифа Уэйда в «Скорби»?

— Сама роль. Я считаю Уэйда чрезвычайно мужественным человеком, способным противостоять жестокости отца, генетической жестокости жизни, накопившейся за тысячелетия. Но его попытка разорвать порочный круг порождает новую волну насилия. Он убивает отца, потому что не видит другого выхода.

— Порой кажется, что он живет в мире иллюзий и постоянно обманывает себя. Его планы вернуть дочь смешны и трогательны — он

Сьюзен ХОУАРД

Ник Нолти себя уважает

За роль шерифа-алкоголика в фильме «Скорбь» (режиссер Пол Шрейдер) Ник Нолти получил премию Круга нью-йоркских кинокритиков, американского Национального общества кинокритиков, номинацию на «Золотой Глобус» и номинацию на «Оскар». Сейчас, когда оscarовская церемония уже близко, Нолти охотно рассказывает о своих новых работах в «Скорби» и «Тонкой красной линии» — фильме, недавно ставшем лауреатом Берлинского кинофестиваля.

очень хочет быть хорошим родителем, но не представляет себе, каким должен быть хороший отец.

— Он хочет быть хорошим человеком. Он хочет научиться любить. Но его никто не научил любить, и он не понимает, что такое любовь. Ему кажется, что любовь — форма вежливости, а когда его отвергают, он впадает в ярость. Он считает, что хороший человек — это человек, которого уважают, а когда его отказываются уважать, он злится. Он не понимает, что мир жесток, что слабому здесь нет места. Ему кажется, что как только он станет хорошим человеком — в его понимании слова, конечно, — все сразу станет хорошо. А в конце отец говорит ему: «Ты такой же, как я».

— Вы решили сниматься после того как прочитали сценарий Пола Шрейдера? Или сначала обратились к роману Расселла Бэнкса?

— Да, я прочитал книгу, потому что в ней так много подтекста, внутренней жизни персонажей — там есть с чем работать. Я сказал, что буду сниматься, и Пол год искал деньги на постановку. Потом он позвонил и сказал: «Я нашел деньги», — а я ответил, что у меня на носу съемки в другом фильме, и что я не совсем готов играть эту роль. — «В каком смысле?» — «Я еще недостаточно созрел для нее». Пол страшно расстроился. Потом мы много разговаривали. Меня волновала проблема насилия, потому что я знаю себя, знаю, на какую ярость я способен, но не знал того, что описывал Расселл Бэнкс. Он пишет о ярости, которая не просто генетически передается из поколения в поколение, но существует в природе и человеке изначально. Природа одарила нас даром выживания, как медведей или саблезубых тигров, а поскольку человек живет в обществе, энергия и же-

нец, как мне кажется, он понимает, что война и романтика несовместимы.

— Расскажите о легендарном Теренсе Малике.

— Перед съемками мы обедали вместе, и он спросил меня: «По сколько дублей тебе приходилось делать?» — «С Джеймсом Бруксом — 75!» На следующий день мы снимали мои сцены с Джоном Кьюсаком, и я решил, что Толл в этот день чувствует недомогание, но старается не показывать виду. И прямо перед началом съемок первого дубля действительно почувствовал себя хреново. Потом оказалось, что я подхватил грипп. Между дублями я отлеживался на носилках. Теренс сказал: «Когда решишь, что хватит, скажешь мне». После 10 дублей я говорю: «Слушай, Терри, по-моему, хватит». А он в ответ: «А как насчет 75 дублей?» И мы снимали до конца дня. В этой сцене все время шли переходы от молчания к диалогам и наоборот. Я запомнил, как Терри кричит нам в лицо наши диалоги в перерывах между дублями.

— Вы согласны с тем, что Малик — самый эксцентричный сегодняшний режиссер?

— Терри — не эксцентрик. Просто у него очень широкий ум. С ним можно говорить о Гомере, о птицах, об истории — о чем угодно. Даже немного страшно. Иногда он приносит на площадку только что написанные сцены и говорил: «Посмотри». Он порой снимал какую-то сцену одним куском, и потом возвращался к ней через неделю, чтобы снять детали и крупные планы. Над актерами постоянно «висело» несколько недоснятых сцен, мы думали о них, а потом он вдруг говорил: «А ну-ка давайте снимем это прямо сейчас». Как правило, это случалось в самое «золотое время» — в 4-5 часов пополудни. К этому времени сцена успевала созреть в душе актера. Терри постоянно оставлял нам открытые двери и помогал нам в них входить. Я никогда еще не с кем так не работал.

— Сегодня вы в основном работаете в независимом кино. Это намеренное решение?

— Несколько лет назад я решил, что буду сниматься только в том, что мне нравится. Это началось с фильма «Мать-ночь», и с тех пор я только так и работаю — даже если мне за это мало платят.

— Ваше решение всегда основано на сценарии? Или для вас важно, кто ставит, кто будет вашими партнерами?

— Нет-нет — ни режиссер, ни партнеры не могут превратить плохой сценарий в хороший. Без хорошей

драматургической основы нет смысла браться за дело. Когда я работал в театре, я прежде всего старался играть в хороших пьесах — У Артура Миллера, Теннесси Уильямса. Я ехал в любой конец страны, если можно было сыграть в хорошей пьесе.

— Действительно ли имел место ваш знаменитый разговор с Майком Медавоем — разговор, о котором ходят легенды? Якобы он пригрозил убить вас, если вы не прекратите пить.

— Ну, это было очень давно и не так категорично. (Смех) Майк сказал, что он не может видеть, как я убиваю себя, и так далее. Как видите, разговор возымел действие — сегодня я совершенно трезв.

— Вы видите какие-то причины давнего увлечения спиртным? Было ли это связано с внезапной славой?

— Думаю, да. Когда мой сын Брули снялся в фильме «Выкуп», он сказал: «Я больше не хочу играть в кино. У меня появилось очень много друзей, которых я не знаю по имени». Вот так появляется ощущение безнаказанности, человек теряет основание и обращается к спиртному и наркотикам. Обретая успех, ты считаешь, что это навсегда. Люди, которые выросли в бедности или в семье среднего достатка, и вдруг начинают получать миллионы долларов, — они страдают от того, что их фильм собрал 100, а не 200 миллионов. Недавно один актер заявил мне: «Есть специальный заговор с целью лишить меня славы». Я ответил, что у него не все дома.

— Трудно ли, будучи звездой, встретиться с людьми, которые честно скажут тебе, когда ты начнешь зарываться?

— Если человек хочет окружить себя людьми, способными говорить только «да», он постепенно теряет контакт с реальностью. Друзья превращаются в свиту — значит, беда не за горами. Чаще всего это случается с молодежью. Я попал в Голливуд в 35 лет, и мне казалось, что я смогу с этим справиться.

— Вы снимались с самыми знаменитыми актрисами Голливуда. Вы можете охарактеризовать некоторых ваших партнеров одним-двумя словами?

— Валайте.

— Джессика Лэнг?

— Интуитивная актриса. Умеющая чувствовать по-настоящему.

— Дебра Уингер?

— Исключительно быстрый ум. Уникальный.

— Джулия Робертс?

— ...

— Понятно. Барбра Стрейзанд?

— Удивительная одержимость деталями. Для режиссера это хорошее качество.

— Шарон Стоун?

— Полностью отдает себя тому, что делает. Сцена, в которой мы снимались, продолжалась два дня. Иногда я говорил ей: «Может быть, пойдешь в примерную и отдохнешь?» — «Нет, мы еще не закончили здесь!» Потрясающая женщина.

— О чем будет ваш следующий фильм «Симпатико»?

— Это экранизация пьесы Сэма Шепарда — о том, как ты делаешь ошибки, которые кажутся тебе незначительными, и в конце концов можешь потерять все.

— Что собираетесь делать дальше?

— Мы работаем над проектом «Белый джаз» по роману Джеймса Эллроя, но в осовремененном виде. Ставить будет Боб Ричардсон, бывший оператор.

— Чем сегодняшний Ник Нолти отличается от Нолти-дебютанта в кино?

— Сегодня я уважаю себя. В моей жизни был долгий период, когда я не мог позволить себе этой роскоши. Человек не может вредить себе с уважением к своей персоне. Я создаю, что мир жесток, непрост, что жизнь — это не прогулка по парку развлечений. Люди вокруг меня властолюбивы, корыстны, завистливы. История с импичментом Клинтона еще раз подтвердила, что наш мир сошел с ума.

● Кадр из фильма «Скорбь»

Флик Нолти

03.99